

УДК 323/324(470+571)

И. Е. Дискин
РОССИЯ, КОТОРАЯ ВОЗМОЖНА

ГЛАВА 3. ЭВОЛЮЦИОНИРУЮЩАЯ РОССИЯ: ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТОВ

Анализ мифологических и эмпирически подтвержденных представлений относительно распространенных моделей социального действия, являющихся основой для институционального функционирования, создает предпосылки для объяснения того противоречия, которое выступает как бы двигателем нашего сюжета.

Барьеры. На пути искомого объяснения стоят достаточно высокие барьеры. Прежде всего в современном дискурсе практически отсутствуют теоретические проработки, ориентированные на «понимающий» анализ идущих процессов, на учет реальных «окон возможностей», формируемых совокупностью различных, разнонаправленных факторов. Отдельные попытки таких проработок не оказывают сколько-нибудь существенного влияния на ход общественных дискуссий, на выработку позиций политических партий.

Выработке приемлемой объяснительной конструкции также препятствует ситуация в нашей социальной науке. Это связано прежде всего с, безусловно, позитивным процессом международной интеграции российских социальных наук, овладением отечественными исследователями накопленного арсенала теоретических воззрений и методов эмпирических исследований. Но всякий позитивный процесс неизбежно связан с издержками. При увлечении овладением теоретическим мейнстримом, вне фокуса научных поисков оказывается специфика процессов, протекающих в нашей стране. Больше внимания уделяется либо объяснению универсальности импортируемых теорий, либо, напротив, исключительному характеру отечественного развития, не укладывающегося в существующие теории.

Сказывается также явно недостаточный «понимающий» диалог между представителями различных теоретических концепций, требующий проникновения в исходные позиции авторов, понимания тех проблем, на решение которых направлена соответствующая, создаваемая ими объяснительная конструкция. В основном диалог ведется между представителями одной «группировки», объединенной либо сходными воззрениями, либо общими корпоративными корнями. Следы этой ситуации видны даже при проведенном выше обсуждении концепций. В такой ситуации не так просто сформировать сколько-нибудь интегрированную теорию.

Важным барьером для создания объяснительной конструкции является также то, что, как мы видели выше, разрабатываемые теоретические конструкции предназначены прежде всего для критики отдельных сторон нашей действительности, а не для объяснения характера и механизмов наличного институционального функционирования.

Так что, на теоретическом уровне для решения поставленной нами задачи мало опоры.

© Дискин И.Е., 2011

Не облегчает дело и основной корпус эмпирических исследований, посвященных институциональному функционированию. Большинство соответствующих социологических и экономических исследований не использует эксплицитно сформулированные теоретические конструкции, отражающие российскую специфику. В большинстве из них преобладает перенос на отечественную почву «авторитетных» иностранных теорий. Эмпирические исследования также редко ставят в качестве своих целей проверку адекватности теоретических конструкций. В результате выдвинутые теоретические представления редко получают эмпирическое подтверждение. В отечественной науке еще не устоялись стандарты, ставшие уже общепринятыми в ведущих центрах социальных наук.

Подобная ситуация в большой мере усугубляется тем, что отечественная государственно-политическая практика не создает сколько-нибудь значимого спроса на создание приемлемой теоретической конструкции, объясняющей существующие механизмы институционального функционирования.

В большой мере это объясняется умонастроениями отечественного политического класса. В этих умонастроениях, по оценке Г.О. Павловского, эксперта, глубоко укорененного в высшие структуры власти, преобладает волюнтаризм. Было бы трудно ожидать другого от политических групп, которые в течение длительного времени (все 90-е годы) действовали без прочной социально-политической поддержки и позднее достигавших электоральных успехов политтехнологическим манипулированием, символом которых стали пресловутые «коробки из-под ксеркса».

В дальнейшем можно отметить эволюцию волюнтаризма, игнорировавшего значимость социальных ограничений, в сторону «высокомерного авторитаризма». Его отличие от предшествующего этапа состоит в ориентации власти на снижение социальных барьеров для намечаемых преобразований путем формирования достаточно прочной электоральной поддержки. Выше мы уже обсуждали роль опережающей реализации властью социальных ожиданий электорально значимых слоев и групп. Это обеспечивает социально-политическую поддержку власти со стороны групп, запросы которых так успешно удовлетворяются.

Здесь уместно добавить, что эта предельно прагматичная политика, долгое время ориентированная на поддержание стабильности, может без особых социально-политических последствий игнорировать запросы других, менее электорально значимых слоев и групп. Резон такой политики в том, что эти группы, остающиеся вне фокуса внимания власти, как показывает электоральный опыт, трудно мобилизовать. При этом сами эти группы крайне разнородны. Довольно трудно сформировать актуальную повестку дня, способную мобилизовать эти группы, превратить их в значимую электоральную силу.

Здесь можно выделить еще один барьер — очевидное противоречие между прежней политикой поддержания стабильности, с одной стороны, и декларируемым властью переходом к политике модернизации. Вполне очевидно, что эта политика в качестве своего необходимого инструмента требует использования новых моделей социального действия и соответствующих институтов. Но для этого, в свою очередь, необходима интеграция социальных групп — носителей соответствующих новых моделей в общую социальную систему и, в том числе, социально-политическую систему.

Но требования этой интеграции предъявляют определенные требования не только к политической системе и властям — ее «демиургам», но и к характеру социального функционирования самих этих групп. Прежде всего это относится к необходимости их консолидации, к превращению их в сколько-нибудь устойчивые социальные субъекты. Но на

пути этого превращения стоит достаточно высокий барьер. В рассматриваемых «продвинутых» группах, необходимых для перехода к развитию, слишком слаба рефлексия их разносторонних социально-экономических и социально-политических интересов. Но без такой рефлексии эвентуальные интересы не превращаются в мотивы реального действия. Это, впрочем, вполне банальное соображение не становится основой практики политиков, претендующих на лидерство в обсуждаемых группах.

Для того чтобы эта рефлексия интересов трансформировалась в актуальную и притягательную повестку дня, необходимо представить условия этой трансформации. Но для этого требуется хотя бы правдоподобная гипотеза характера преобладающего институционального функционирования, увязывающая интересы и их представления.

Без такой гипотезы невозможны ни выработка адекватной политической повестки дня, ни консолидация ее сторонников, для которой в силу рационализма их большинства необходима их убежденность в том, что претенденты на лидерство понимают «как это работает». И здесь замыкается одно из колец кружев реальности.

В практике государственного управления практически не замечен спрос на результаты теоретических исследований, основанных на прочных эмпирических основаниях. Более того, заметна тенденция, когда видные чиновники подхватывали «модные» теоретические концепции для подтверждения своей «продвинутости», «встроенности в тренд». Эта тенденция подкрепляется кадровой политикой, когда уже само выдвижение разного рода привлекательных инициатив становится достаточным основанием для продвижений, не дожидаясь реальных результатов воплощения этих инициатив.

Аналогичные процессы протекают и в законотворческой деятельности, где преобладают принципы создания правовых норм, основанных на заимствованных идеологических конструкциях, а чаще на прямом заимствовании правовых конструкций, без необходимой проверки адекватности этих норм российским реалиям. Ярким примером такого нормотворчества является приснопамятный 94-ФЗ, которым регулируется порядок осуществления закупок для нужд государства и муниципальных образований. Формально закон, призванный поставить заслон коррупции, на практике стал одним из самых коррупциогенных. Для многих наших законов характерно недостаточное изучение социальной, экономической и политической практики, а также слабый анализ правоприменения.

Запрос. Представляется, что в последнее время начались подвижки в сторону формирования спроса на искомую объяснительную схему. В их основе лежит начинающийся процесс поворота от стабильности к развитию.

Для такого поворота не на словах, а на деле необходима интеграция в процессы развития, в развитие институциональных механизмов тех слоев и групп, которые способны генерировать новые институциональные образцы, выступать в роли их рациональных и компетентных критиков, формировать запрос на институциональную реконструкцию.

Важным обстоятельством, способствующим переходу к политике развития, является то, что внутри ряда социальных групп, ориентированных на развитие, растет эвентуальный, пока еще слабо осознаваемый спрос на новый институциональный порядок и, как результат, на соответствующую объяснительную схему. И характер этого запроса требует содержательного анализа.

Для этого нам важно прояснить роль различных групп в обсуждаемой институциональной реконструкции. На рис. 1. представлена концептуальная схема

относительного участия различных групп в выработке запроса на «институциональную реконструкцию», в создании соответствующих институциональных образцов.

Эти функции прежде всего выполняет «креативное меньшинство», институциональные инноваторы. Вопрос дальнейшей социальной судьбы соответствующих образцов решается в ходе своего рода естественного отбора.

Главный вопрос в том, кто будет выполнять социальные функции «санитаров леса», апробации институциональных образцов. Если эти функции монополизируют бюрократы со своими достаточно специфическими корпоративными мотивациями, эти инновации ждет достаточно печальная судьба. Если же политическая система ориентирует на решение этих задач слои и группы, которые обладают необходимыми мотивациями и компетенциями («Новая Россия»), то судьба инновационной реконструкции, а вместе с ней и страны в целом, может сложиться более счастливо.

Однако, для того чтобы успешно реализовать обсуждаемую функцию, мотиваций и компетенции «Новой России» явно недостаточно. К этому нужно присовокупить еще и сколько-нибудь внятное и общепотребительное объяснение механизмов институционального функционирования. Это уже шанс на искомую институциональную модель.

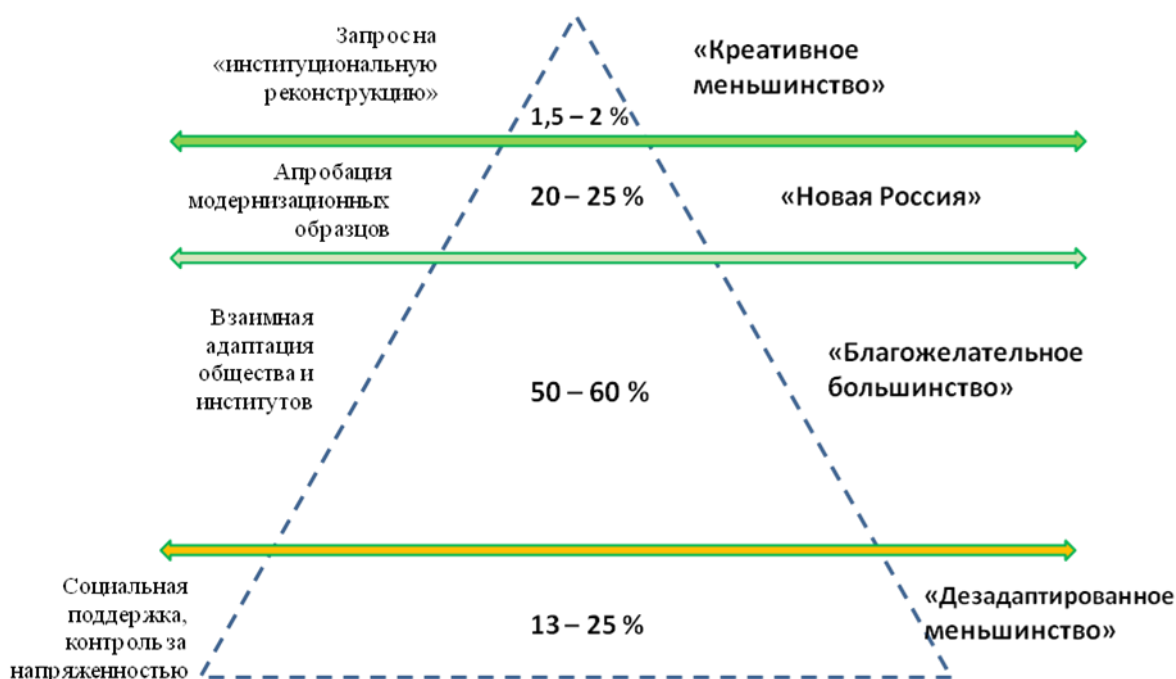

Рисунок 1 – Институты и социальная динамика

Важно также специфицировать этот запрос, определить, какие силы генерируют соответствующий запрос с тем, чтобы

оценить, какое предложение, какая модель институционального генезиса и функционирования институтов, может соответствовать этому запросу. Ведь, вполне очевидно, что предложение должно хотя бы на концептуальном уровне соответствовать запросу. Так, вряд ли слои, ориентированные на авторитарные институты, воспримут в качестве адекватной модель, в основе которой лежат представления о демократических

ориентациях большинства россиян, несмотря на то что это является эмпирически установленным фактом. Факты являются аргументом далеко не для всех социальных групп. Многие из них бережно лелеют социальные мифы, важные для поддержания их идентичности и самооценки.

В этой связи важно проанализировать характер институционального запроса «Новой России», тех слоев и групп, которые ориентированы на развитие и способны обеспечить апробацию инновационных институциональных образцов, их интеграцию в новую институциональную систему.

Характер запроса

Выше мы уже отмечали, что в «продвинутых» группах, в «Новой России» сложился новый институциональный запрос. Но это пока запрос, скорее негативный — смена существующего институционального порядка. А кто обсуждает неприятные вопросы: каково содержание соответствующего позитивного запроса, какие силы заинтересованы в демократическом порядке? В порядке, основанном не на привычной игре правилами, а на соблюдении законов, даже если это хлопотно, связано со значимыми издержками. Заинтересованных настолько, что готовы бороться за новый порядок, рисковать, тратить большие и разные ресурсы. Более того, готовы не к демонстрациям, а к нудной, кропотливой ежедневной работе, необходимой для становления демократического порядка. И каков же будет честный ответ?

Демократический порядок не очень нужен политическим партиям. Одни без него, через «административный ресурс» получают атрибуты власти и не требуют большего. Другие отсутствием демократии, «украденными голосами» объясняют своим доверителям собственные неуспехи (хотя и это голоса «крали» не раз). Но все же жалобами они больше прикрывают собственные неумение и слабости.

Строгое соблюдение правил, общественный контроль смертельны для бюрократии и силовиков, или, как говорят, «силовой бюрократии», стригущей купоны с административной ренты. Жизнь по правилам не нравится и части бизнеса, настолько привыкшей «решать проблемы», что они готовы терпеть «крысятничество» собственного менеджмента, лишь бы прищученные подчиненные не начали вытряхивать из шкафов многочисленные спрятанные там «скелеты». Особенно это относится к бизнесу мелкому и среднему, с одной стороны, страдающему от поборов, но, с другой — все же как-то защищенного «крышей», сетью долгих доверительных отношений с местными властями. По «понятиям» накладно, а «по правилам» не было бы хуже.

Да и граждане, на кухнях оплакивающие демократию, не готовы сдвинуться с места и создавать ТСЖ, потратить полчаса и заплатить штраф в банке, а не в карман гаишнику. Они готовы тратить часы на обличения власти в Интернете, но не пойдут на выборы, участвуя в демократическом процессе.

В общем, абстрактных мечтаний навалом, но реального платежеспособного спроса на демократический порядок маловато. Это подтверждается данными об участии высокодоходных и образованных групп в голосовании [1].

Для объяснения ситуации уместно припомнить известный из институциональной теории казус «безбилетника»: в общественном транспорте заинтересовано большинство, но пока порядок не установлен, выгоднее не платить за билет. Но тогда где взять деньги на транспорт? Также и с демократией: нужен либо неподкупный контролер, либо самоорганизация пассажиров, наказывающая «зайцев». Но ни того, ни другого нет, и

дееспособной демократии нет. Приведенные выше социологические данные свидетельствуют о наличии в российском обществе массовых ориентаций на демократию. Но охарактеризованные социально-политические практики «продвинутых» групп, необходимых для перехода к развитию, показывают, что эти ориентации еще далеки от того, чтобы превратиться в «платежеспособный спрос» на демократический порядок. А без такого «платежеспособного спроса», без реальной, деятельностной социальной поддержки мало шансов на сколько-нибудь устойчивое функционирование новой институциональной среды. Так что, дело модернизации совсем безнадежно? Совсем нет.

За последние годы в стране произошел значимый политэкономический сдвиг — появился мощный потенциальный «покупатель» демократии, закона и порядка — бизнес, ориентированный на нормы конкурентного рынка. Из большой группы прежде локальных компаний за это время вырос крупный бизнес. Он уже не может полагаться на прежде «родные» региональные власти, ранее служившие ему защитой. Но этот бизнес еще не дотягивается до поддержки на самом верху. Какая-то поддержка есть, без нее не поднялись бы, но ее маловато для борьбы за место на общероссийском и мировом рынках.

К честной конкуренции они готовы, но для нее нужна всеобщая игра по правилам. Этот бизнес, а также зависящие от его успеха значительные слои и группы населения, формируют уже не эвентуальный, но более активный, возможно уже «платежеспособный» спрос на демократический порядок. К этим «покупателям» следует добавить и ряд постолигархических империй, втянутых в конкуренцию и на внутреннем и, особенно, на внешнем рынке, где «административным ресурсом» точно не прикроешься.

В определенном смысле подтверждает эти рассуждения исследование поведения «хороших» и «плохих» компаний, проведенного под руководством Татьяны Гуровой, одного из самых глубоких отечественных экономистов. Исследование показало, что в ходе кризиса произошли качественные сдвиги в характере деятельности практически половины российских предприятий, выросла их ориентация на среднесрочные стратегии, использование рыночного потенциала своих компаний. «Кризис дал существенные преимущества более эффективным компаниям. Более того, эти преимущества не были следствием только самого кризиса, они завершили длительные стратегии создания уверенных позиций компаний на рынке» [2]. Вполне очевидно, что эти компании стремятся, по меньшей мере, закрепить, если не расширить свои возможности развития, используя свои рыночные, но отнюдь не административные преимущества. Гипотеза о росте «хороших» компаний за счет государственной поддержки рассмотрена и отвергнута в цитированном выше исследовании. Вывод — существенный рост запроса на демократический порядок со стороны бизнеса и тесно связанных с ним социальных групп.

Если посчитать масштаб этого запроса — экономический потенциал крупного бизнеса, уже реально заинтересованного в игре по правилам, результат будет близок к половине ВВП или около того. Но к этому запросу нужно добавить немалый социально-политический ресурс части «муниципалов», тесно связанных с интересами избравшего их населения, а также поддерживающего их бизнеса. Им правила нужны, чтобы получить устойчивые условия работы, избавиться от тисков «регионалов», видящих в новых лидерах конкурентов. Растет число и руководителей регионов, которым правила нужны для стимулирования инициативы и предприимчивости, самостоятельной реализации насущных проектов. Так что **налицо большой потенциальный спрос на демократический порядок, способный стать прочной опорой новой институциональной системы.**

Этот обсуждаемый тектонический сдвиг — огромный шанс для того, чтобы проложить дорогу для институциональной реконструкции и успешной модернизации.

Времени для превращения эвентуального спроса на демократический порядок в «платежеспособный» немного. Если интересанты не увидят реальной перспективы, они, как люди практические, покончат со своими мечтаниями и колебаниями. Они сделают твердую ставку на встраивание в существующий порядок манипулирования правилами игры. Часы новой российской истории идут быстро.

Но для того чтобы создать условия для формирования устойчивого, «платежеспособного» спроса на демократический порядок, для создания прочной поддержки новой институциональной среды, необходима характеристика самой этой среды, ее генезиса. Без проникновения в существо соответствующего генезиса велик шанс ошибки в выборе соответствующих стратегии и тактики. Вместо поддержки можно ненароком разрушить сложившиеся предпосылки, перекрыть дорогу к модернизации России.

Генезис и характер наличных социальных институтов

Для того, чтобы определить условия искомой поддержки позитивной эволюции институциональной среды, как раз и нужна искомая объяснительная схема.

Первая задача здесь — проникнуть под формальную институциональную оболочку, проанализировать те социальные механизмы, которые на деле определяют характер их функционирования. В этой связи следует упомянуть, что обращение к этой оболочке, к нормативному перечню функций, осуществляемых структурами органов власти и управления, вряд ли позволяют это сделать, так как такое обращение связано с предположением, что соответствующие нормативы выступают реальными регуляторами.

Но это предположение явно противоречит тому, что высокая распространенность оппортунистического поведения, стремления обойти формально предписанные нормы — общепризнанная характеристика функционирования отечественных институтов. Яркий ее индикатор — уровень соблюдения правил дорожного движения и способы разрешения конфликтов по этому поводу, как между участниками, так и с уполномоченными агентами власти.

Хорошо известно, что это началось издавна. Причины этого уже обсуждались выше. Здесь и слабость религиозных механизмов поддержки соблюдения институциональных, прежде всего легальных, норм. Такая поддержка была характерна лишь для отдельных конфессий (староверы, протестанты, мусульмане в отношениях со своими единоверцами). В нашей стране практически не действовали и горизонтальные механизмы институционального контроля, прежде всего цеховые механизмы или их аналоги, сыгравшие значительную роль в институциональном генезисе Запада.

Мы уже отмечали низкое влияние универсалистских ценностей и распространение партикулярных норм — слабость внутренних легальных мотиваций обусловила доминирование внешних по отношению к индивиду преимущественно государственных средств поддержания стабильного институционального функционирования. Но хорошо известно, что внешнее давление без позитивной внутренней мотивации, без глубокой убежденной поддержки социального порядка стимулировало несогласных на поиск возможностей оппортунистического поведения.

Соответствующие соблазны испытывали и агенты государства, призванные своими санкциями поддерживать стабильность институциональных норм. В таких условиях коррупция — приватизация функций поддержания институциональных норм — приобретает системный

характер. Если отвлечься от прекрасного романтического антуража, повесть А.С. Пушкина «Дубровский» об этом. Вспомним, большой барин К.П. Троекуров легко коррумпировал подъячего — агента власти и подменил мандат собственности. В условиях приватизированной правоохранительной системы слияние собственности и власти неизбежно. И это слияние издавна существовало в России. Иначе трудно сохранить собственность. Наше давнее и недавнее прошлое дает бездну примеров, когда утрата власти и влияния быстро и почти неизбежно ведет к потере собственности. История потери Гучериевым «Русснефти» и обретения ее вновь — яркий пример, выделяющийся лишь хэппи-эндом.

Такое понимание дает отправную точку для выстраивания искомой объяснительной схемы. Так, постсоветская социальная ситуация характеризовалась разрушением широко понимаемой правоохранительной системы. В некотором смысле это было даже необходимым условием становления существующего режима. Без устранения прежней системы, тесно связанной с иными ценностями и представлениями, призванной поддерживать правовые нормы, сформированной в кардинально иной социальной системе, переход к иным экономическим отношениям был абсолютно не возможен. То, что еще недавно было наказуемой спекуляцией, стало нормой. И так по всему спектру экономических отношений.

Нужно было, чтобы правоохранители закрыли глаза на явное и почти повсеместное несоблюдение формально еще действующих законов. Этого можно было достичь лишь путем широкой приватизации правоохранительной системы, включения части агентов этой системы в процесс перераспределения собственности в качестве полуприватной системы защиты бизнеса, гарантии исполнения контрактов. Конечно, агенты, согласно институциональной теории, начинали действовать не в соответствии с мандатом принципалов, а в соответствии со своими интересами. Многим памятен случай, когда рэкетиры — сотрудник московского уголовного розыска отнял собственность у не вполне легальных бизнесменов, переписал ее на себя и создал огромную империю. И это далеко не единственный случай. И все это долго сходило с рук.

В этой связи жалобы наших либералов, частью успешно сделавших свое состояние в таких условиях, на чрезмерное влияние «силовиков», на их участие в бизнесе — либо амнезия, либо черная неблагодарность, нежелание заплатить сполна за успешно сделанную работу. Возможно, за этим стоит намерение перезаключить контракт с правоохранителями на новых условиях, когда приватизация правоохранительной системы уже помеха. Тогда это хороший признак.

В условиях приватизации системы поддержания прав собственности просто требовать разделения власти и собственности, запретить чиновникам участвовать в бизнесе — чистая маниловщина и демагогия. А как при отсутствии нейтральной национализированной системы защитить бизнес? Это все равно, что бросить младенцев в лесу среди голодных волков. Ведь сами по себе такие призывы не создают защиту прав собственности, не создают демократический порядок. Нужно выстраивать работающие технологии в рамках «коридоров возможного».

Без этого призыв просто опасен. Он обращен к высшей власти, но на кого, собственно, эта власть может возложить его исполнение. Бизнес от активного сотрудничества с властью самоустранился. Но тогда власть может обратиться только к бюрократам, которые, естественно, потребуют расширения своих полномочий. Круг замкнулся — вместо ограничения бюрократии получаем усиление ее гнета. Против такого

развития событий будет сам бизнес, когда поймет (не было бы поздно), что в результате на место ушедших «родных» покровителей немедленно придут рейдеры с немалым властным ресурсом.

Назревшее решение проблемы демократического порядка: улучшение условий конкуренции, снижение влияния административного ресурса, — лежит через национализацию системы правоохранительной системы, включая защиту прав собственности, поддержание широко понимаемых контрактных отношений в целом. Это-то вполне ясно, не ясно как этого достичь. Прежде всего необходимо понять, что национализация правоохранительной системы — огромный политический проект. В этой связи важно ответить на вопрос: есть ли у нас реальный шанс на успешную «институциональную реконструкцию»?

В пользу положительного ответа прежде всего свидетельствуют охарактеризованные выше фундаментальные макросоциальные изменения, произошедшие за последние десятилетия, интегрально выразившиеся в появлении «Новой России» — массовых слоев и групп, ориентированных на самостоятельное решение собственных проблем, вполне адаптированных к наличной институциональной среде, индивидуально принимающих рациональные решения на основе собственного практического опыта.

Достаточно массовое обращение «средних» групп к ипотечному кредитованию и относительно низкий, даже по сравнению с европейскими странами, уровень просроченной задолженности в период кризиса — важные индикаторы наличия у этих групп, по меньшей мере, среднесрочного горизонта оценки последствий своей деятельности при принятии решений. Переход от ситуативного реагирования к личным среднесрочным стратегиям требует учета достаточно широкого набора институциональных условий.

Эти социальные изменения — результат не только собственно макросоциальных изменений, но и продукт одновременного взаимодействия с быстро менявшейся институциональной средой. Рационализация и активность — несомненно, продукты этого взаимодействия.

В анализе этих процессов, к сожалению, нет возможности опереться на систематическое описание соответствующих изменений. Есть лишь фрагментарные описания того, как в ходе овладения новыми социальными практиками рушились иллюзии относительно того, что разрушение «совка» откроет ворота к счастью и процветанию. Плата за успех в бизнесе слишком часто была высока — разрыв отношений с близкими, предательство друзей. Многие художественные произведения — от «Большой пайки» Юлия Дубова, до «Околоноля» Натана Дубовицкого — иллюстрируют эти темы.

В новых социальных отношениях нужно было как-то, без особой опоры на закон, добиться успешной реализации целых цепочек экономических и социальных соглашений, обеспечить поддержку многих людей, связанных общими интересами, но подверженных соблазнам нарушить их с выгодой для себя. Нужно было выработать навыки предвидения последствий собственных действий, создания хоть каких-либо страховочных механизмов.

Как это ни парадоксально, но важным фактором вырабатывания таких навыков предвидения разнообразных последствий собственных действий стало распространение в массовом сознании представлений криминальной среды — «понятий», устанавливавших жесткие санкции за нарушения норм, принятых в этой среде. Проникновение выражений блатной лексики в различные, в том числе высокостатусные группы, как представляется, является значимым индикатором обсуждаемого процесса.

Парадокс заключается в том, что из этих уродливых норм и представлений исходил тот самый принцип неотвратимости наказания, который был так сильно девальвирован в легальной среде. Одновременно по этим же лекалам шло формирование механизмов деятельности частных структур, обеспечивающих страховку предпринимательских рисков.

Таким образом, в активных рациональных высоко адаптированных группах сложились навыки оценки последствий собственных действий, основанных на достаточно хорошем знании институциональной среды и на оценках вероятности применения санкций за нарушение тех или иных норм.

В таких условиях оказались задействованы все наличные социальные ресурсы, способные содействовать успеху, снижающие риски, прежде всего генерирующие отношения доверия. В результате важной характеристикой институционального функционирования стало развитие сетей, строящихся на базе межличностного доверия. В эти сети встраивались те, с кем еще в «прежней жизни» были налажены отношения доверия. В результате в условиях низкого влияния универсалистских ценностей, функционирование широкого спектра формально модернизированных социальных институтов осуществлялось на базе социальных сетей доверия, регулируемых партикулярными ценностями. Поддержание устойчивости функционирования этих институтов осуществлялось на основе представлений о возможных последствиях нарушения взаимных обязательств участников таких сетей. В значительном числе случаев отношения внутри соответствующих сетей предопределяют характер функционирования, нормы, вырабатываемые внутри институтов, выступающих лишь формальными оболочками обсуждаемых сетей.

Эти рассуждения позволяют продвинуть нас в понимании того, как складывались те институциональные отношения, являющиеся фокусом нашего интереса. Но одновременно важно понять характер институциональной рамки.

Некоторое представление о той рамке, которой руководствуются участники институциональных отношений, могут дать материалы рассмотренного выше исследования, посвященного проблемам модернизации [3]. В его ходе экспертам (выборка 900 человек, что совсем не мало для получения значимого результата) был задан вопрос относительно того, что может служить опорой при принятии трудного нестандартного решения. Такая формулировка вопроса была связана с тем, что именно в таких ситуациях проявляются мотивации — «несущие конструкции» взаимодействия моделей социального действия и институционального функционирования, которые мы и стремились выявить.

В классической, веберианской схеме, в соответствии с приведенной выше цитатой Т. Парсонса, в такой ситуации предполагается обращение к нравственным принципам, выступающим социальными регуляторами в тех ситуациях, когда другие не срабатывают. Но в исследовании лишь 25% отметили такой вариант. Это означает, даже если принять этот ответ как абсолютно достоверный, что классическая схема, связанная с высокой регулятивной ролью универсалистских этических норм, у нас не слишком работает. В этом смысле этот результат подтверждает нашу исходную гипотезу о неклассическом характере отечественного институционального функционирования.

Наиболее же частый ответ (54%) — «нормы закона, должностные инструкции». Казалось бы, трудно себе представить, что опрошенные эксперты в трудной неопределенной ситуации кидаются листать законодательные акты и должностные инструкции. При этом обращает внимание, что лишь 7% экспертов считают возможным обратиться за советом к руководителю. Этот ответ означает, что традиционалистские модели функционирования институтов тоже не работают. Не получили поддержки и меркантилистские модели

ориентации на извлечение материальных доходов, на которые ориентируются 9%. Как же объяснить ситуацию?

Предположение, что опрошенные в ходе исследования выбрали социально одобряемый ответ, не проясняет существа дела, так как вряд ли этим ответом исчерпывались бы представления о таких ответах. Скорее, здесь лучше работает гипотеза о том, что по мере стабилизации социальных отношений, некоторого усиления санкций за нарушения легальных норм эти нормы стали более значимой внешней рамкой, учитываемой при принятии решений в неопределенной, рискованной ситуации. Иначе говоря, налицо определенное «смыкание» легальных и неформальных норм, реальное усиление регулятивной роли правоохранительной системы. Этот вывод о легалистской эволюции отечественной институциональной системы частично объясняет парадокс, выступающий двигателем сюжета нашего обсуждения. Но для дальнейшего продвижения нам необходимо представление о механизме, обеспечивающем снижение институциональных рисков.

Институциональные конвенции

В качестве схемы, объясняющей работу такого механизма, можно предложить концепцию выработки социальных конвенций относительно характера взаимодействия отдельных социальных групп с соответствующими институтами. В последние десятилетия во Франции сложилась междисциплинарная исследовательская программа — «экономика конвенций», ставшая одной из самых влиятельных исследовательских парадигм [4, с. 4]. Автор, выдвигая в своих предшествующих работах идею о конвенциональной природе отечественных институциональных отношений, как Журден — известный герой Мольера, не знал, что говорит прозой. Знакомство с «экономикой конвенций» существенно подкрепило прежнюю авторскую убежденность автора и позволяет встроить ранее выдвинутые гипотезы в контекст влиятельной исследовательской программы.

Исходная гипотеза данной теории состоит в том, что «после сбора информации и переговоров разумные экономические агенты могут достигать соглашения по поводу единого представления о коллективном, призванного обеспечить нормальное функционирование их отношений (ниже мы назовем это конвенцией)» [5, с. 22]. Эта гипотеза позволяет выстроить объяснительную схему относительно того, как могут относительно успешно функционировать институты в условиях, когда отсутствуют условия, признанные необходимыми в классической теории.

Опираясь на положения этой теории, можно выстроить объяснение, что «координирующую функцию выполняют не столько сами правила, сколько их интерпретации, соглашения и взаимные ожидания акторов» [4, с. 7]. Это утверждение хорошо согласуется с высказанной выше интерпретацией результатов социологического опроса, в соответствии с которой легальные нормы выступают значимой рамкой в условиях неопределенности, при принятии рискованных решений.

Такой подход позволяет согласовать положения рассматриваемой концепции с классической теорией институтов, созданной Д. Нормом. При таком прочтении «институты не всегда соответствуют критерию эффективности, что, однако, не лишает их свойства уменьшать (но не устранять) неопределенность, в условиях которой взаимодействуют агенты, а priori (но не систематически) рациональные и действующие в собственных интересах» [5, с. 7, 19].

Повидимому, опираясь на эти представления, можно продвинуться к выстраиванию искомой объяснительной схемы на основе генезиса соответствующей институциональной

конвенции. Конвенция формируется в «сетях доверия» на основе рациональных представлений акторов о предвидимых последствиях их взаимодействия с соответствующими элементами институциональной среды.

Под внешней оболочкой формальных институтов, предполагающих рациональную мотивацию, направленную на решение задач, являющихся формальной целью соответствующих институтов, скрывается (иногда и не скрывается вовсе) функционирование, основанное на конвенционально выработанном взаимодействии неформальных норм. Это функционирование в большой мере ориентировано на приватное использование потенциала соответствующего административного и финансового ресурса этих институтов. Формальные цели соответствующего института осуществляются лишь в той мере, в которой этого требуют лояльность перед вышестоящими инстанциями и обеспечение безопасности от «наезда» силовых ведомств.

Конвенции, формируемые в результате коммуникаций, протекающих по сетям доверия, испытывают существенное влияние специфических этических норм и представлений, характерных для участников соответствующих сетей. В результате этого влияния соответствующие конвенции базируются на самых скептических оценках относительно распространения коррупционных практик в структурах государственного управления. В силу этого в этих конвенциях складываются представления об относительно высоких административных рисках реализации любых административных и коммерческих проектов. Отсюда вытекают высокие и очень высокие оценки коррупционных затрат и потребностей в использовании административного ресурса, необходимые для устранения или снижения этих рисков.

При рассмотрении представлений о механизмах формирования институциональных конвенций следует учитывать идущие в нашей стране макросоциальные изменения, в первую очередь повышение значимости рационального предвидения индивидами последствий принимаемых ими решений. В этой связи можно выдвинуть гипотезу о том, что российский институциональный генезис и формирование конвенций осуществляется под существенным влиянием «феномена Руссо». В основе просветительской концепции Ж.-Ж. Руссо лежало убеждение, что возможно становление справедливых институтов на основе рационального эгоизма, предвидения индивидами последствий принимаемых ими решений. В некотором смысле можно говорить о процессе формирования определенных институциональных конвенций. Это, конечно, некоторое вменение того содержания, которого вовсе не имел в виду великий просветитель, но определенные аллюзии налицо.

Впоследствии историки, социологи, экономисты и социоантропологи приложили много усилий для того, чтобы показать слабости этой концепции, переоценивавшей возможности рационального выбора. Однако специфика социальных и исторических условий России, слабое влияние тех факторов, которые обусловили генезис как европейских, так и азиатских институтов, привели к тому, что здесь «по остаточному принципу» начали работать такие столь непрочные механизмы, как институциональные конвенции и сформировались модели социального действия, обеспечивающие адекватное взаимодействие с институтами по «феномену Руссо».

В пользу этой гипотезы говорит уже рассматривавшийся достаточно высокий уровень рациональности активных слоев и групп. В этом же направлении работают сформировавшиеся за последние два десятилетия социальные практики взаимодействия с формальными и неформальными институтами. Значимым механизмом отбора соответствующих социальных практик и закрепления наиболее адекватных из них стали

коммуникации в сетях доверия, где, как хорошо известно, шли и продолжают идти интенсивные консультации между «своими» относительно выбора правильных действий.

Представляется, что рассмотренные выше механизмы формирования институциональной конвенции и «феномен Руссо» могут быть положены в основу искомой схемы, позволяющей объяснить много раз упоминавшийся парадокс устойчивого функционирования многих социально-экономических институтов при очевидной слабости формальных институтов.

В результате обсуждаемых процессов формирования конвенции в сознании основной части участников институциональных отношений стали складываться представления о текущих правилах игры, допустимых и эффективных действиях, мерах рисков в тех или иных обстоятельствах. Именно эти представления и стали выступать индивидуальной нормативной основой для ведения действий в окружающей актора институциональной среде. Для того чтобы дать эмпирическое описание функционирования обсуждаемых конвенций, столь необходимое для уверенного перевода гипотезы в категорию установленных фактов, необходима большая социологическая работа. Здесь вряд ли сгодятся привычные методы. Вполне возможно, что продуктивными окажутся методы понимающей социологии и этнометодологии.

До этого для понимания процесса придется довольствоваться отрывочными сведениями, получаемыми непосредственно от инсайдеров, а также из литературных произведений, написанных ими. За примерами далеко ходить не нужно. Уже упомянутые романы Юлия Дубова «Большая пайка» и Натана Дубовицкого «Околоноля», написанные явными инсайдерами, дают немало материала внимательному исследователю. Также автор использовал в работе результаты собственных включенных наблюдений отношений, распространенных в бизнес-структурах и органах государственного управления. Все эти материалы, на мой взгляд, подтверждают выдвинутую гипотезу о характере базисных механизмов институционального функционирования.

Внутри бизнес-сообщества действует высокорационализированная система отношений, действующая по принципу калькуляции эквивалентности оказываемых услуг. Ранее оказанная услуга рассматривается как кредит, который должен быть своевременно оплачен. В отношениях между бизнесом и представителями властных структур действуют примерно те же конструкции. Часто можно услышать сентенции «почему я должен даром помогать ему делать деньги». Вопрос «где мой интерес» — привычный слоган при принятии решения. Однако, как показывает собственная практика автора, такие отношения вовсе не универсальны и, более того, не настолько распространены, как это обычно представляется.

Безусловно, обсуждаемая институциональная конвенция далека от правовых норм и крайне сомнительна с этической точки зрения. Однако этическое отрицание конвенции не лишает эту конструкцию объяснительных возможностей, необходимых для поиска реальных путей и средств институционального реформирования в направлении, много больше отвечающем нашим представлениям о морали, справедливости и эффективности.

Обсуждаемая конвенция, выступающая несущей конструкцией институционального функционирования, быстро меняющийся феномен. Представляется, что уровень напряжений вокруг институциональных отношений, повышение уровня их проблематизации, существенным образом влияют как на характер представлений участников конвенции, так и на функционирование самой конвенции. Здесь, учитывая виртуальный характер конвенции, теорема Томаса работает в полной мере.

Здесь, наряду с индивидуальными представлениями о характере институциональных отношений, следует отметить важную конструирующую роль распространенных в обществе стереотипов, распространяемых СМИ и экспертной средой. Эти стереотипы при их кардинальном расхождении с рационализированным социальным опытом могут создавать эффект «социальной шизофрении», «двухслойного» представления, когда практикуемые модели будут расходиться с вербальными, призванными соответствовать доминирующим стереотипам. Эти обстоятельства следует иметь в виду при анализе процесса формирования рассматриваемых конвенций.

Важным элементом, поддерживающим регулятивную деятельность конвенций, стало формирование специальных агентов — «знатоков и посредников». Эти агенты обеспечивают взаимодействие между отдельными «цепочками доверия», сшивая их в достаточно целостную институциональную ткань институционального функционирования. Функционирование этих агентов обеспечивает интеграцию конвенции, выработку общих для нее представлений относительно норм и правил ее функционирования. В то же время непубличный характер норм конвенции, а также практически конспиративный характер деятельности ее агентов повышает значение транслируемых ими представлений.

Эти агенты, как правило, руководствуются собственными интересами, которые состоят в том, чтобы повысить свою значимость и, соответственно, цены своих посреднических услуг. Пример — посредничество сомнительных адвокатов. Они, как утверждают знатоки, включая такого инсайдера, как Г.М. Резник, в большой мере преувеличивают коррумпированность судейского корпуса, чтобы сделать якобы неизбежную передачу взяток источником своих немалых доходов.

Также агенты стремятся монополизировать свою посредническую деятельность, что достаточно трудно из-за латентного характера функционирования конвенции. Средством такой монополизации выступает создание в пространстве «цепочек доверия» информации о возможности повлиять на решения арбитров конвенции, о близости «посредников» к высшей власти. В результате действий таких агентов функционирование конвенций базируется на предельно низком этическом уровне и стремится к предельным транзакционным издержкам, лимитированным лишь потенциальной доходностью в соответствующих секторах бизнеса.

Рассмотренные процессы являются необходимыми, но, на мой взгляд, недостаточными условиями формирования конвенции, способной реально регулировать институциональные отношения.

Для того чтобы конвенция стала действенным регулятором нужен ряд достаточных условий. Во-первых, необходима некоторая стабилизация институциональной среды. Формирование конвенции совсем не быстрый процесс, требующий не одного цикла сверок представлений между многими участниками межличностных цепочек, пронизывающих функционирование институциональной среды. В условиях институциональной турбулентности вряд ли возможно выстраивание устойчивых представлений относительно правил взаимодействия с этой средой и, соответственно, выстраивание сколько-нибудь устойчивой конвенции. В 90-х конвенций не было — «гарантией была пуля» — по образному выражению А.П. Вавилова — знатока отношений того времени (высказано в частной беседе с автором).

Вполне очевидно, что это условие формирования конвенции связано с обсужденными выше процессами социальной трансформации. В определенной мере сам характер социальной трансформации выступает значимым индикатором взаимосвязанных с этим процессом институциональных изменений. Приведенные выше данные исследований

показывают, что конец 1990-х — начало 2000-х стали временем определенной трансформационной стабилизации и тем самым создали макросоциальные предпосылки для формирования обсуждаемой институциональной конвенции.

Во-вторых, для становления действенной конвенции необходимо сформировать систему санкций, накладываемых на нарушителей конвенции. Представляется, что без системы таких санкций прочность конвенции будет постоянно испытываться бенефициариями нарушений ее норм. Вполне очевидно, что возможны два источника соответствующих санкций: коллективное воздействие участников конвенций и/или арбитр, признанный в качестве такового ее участниками.

Представляется, что в начале 2000-х годов оба источника санкций способствовали формированию конвенций. Смена руководства страны и возникшая в результате этого политическая неопределенность остро проблематизировали всю систему социальных отношений. Эта проблематизация затрагивала все основные элитные оппозиции: «олигархи»–новая власть; центр–субъекты Федерации; «олигархи–региональный бизнес». Важным индикатором этой ситуации был тон дискуссии на многих экономических форумах 2002–2003 годов, когда региональный бизнес криком кричал о том, что московские «олигархи» захватывают любой прибыльный региональный бизнес. Результатом этой проблематизации стало формирование двух тенденций формирования новой институциональной конвенции. Первая — «олигархическая», продолжающая идею Б.А. Березовского, что правительство должно послушно реализовывать политический заказ «олигархов», вторая ориентировалась на власть в качестве «арбитра» формируемой конвенции. Итог хорошо известен — формирование «путинской конвенции».

Складывание «путинской конвенции» — системы неформальных норм, определяющих допустимую меру нарушения участниками этой конвенции легальных норм в зависимости от латентного статуса участников конвенции, стало важным этапом формирования отечественной институциональной системы. Сущность конвенции — размен лояльности, соблюдения конвенциональных норм на ограниченную этой конвенцией свободу предпринимательской активности. Важнейшим этапом становления «путинской конвенции» стало выстраивание соответствующей латентной иерархии, место в которой становилось значимым, если не решающим условием успехов в политике и бизнесе. Одновременно шло выдавливание тех, кто отказывался встраиваться в новые конвенциональные отношения.

Это, как представляется, позволяет объяснить существо «дела ЮКОСА», руководители которого активно противостояли тенденциям формирования «путинской конвенции». Мера реакции на эту позицию в большой степени определялась тем, что эта позиция казалась властям вторым изданием «олигархической» линии Б.А. Березовского. Представляется, что коллизии этого дела в очень большой мере определяла логика формирования обсуждаемой институциональной конвенции, лишь дополняемая и декорируемая другими привходящими обстоятельствами.

«Путинская конвенция» носила достаточно ограниченный характер — она охватывала верхи политики и бизнеса. Аналогичные конвенции существовали на региональном уровне под «крышами» регионалов-тяжеловесов. В определенном смысле признаваемый всеми экономический успех Татарстана стал результатом функционирования тамошней региональной конвенции, блокировавшей институциональную турбулентность окружающей среды. Но, к сожалению, далеко не все региональные конвенции были столь позитивно ориентированы. Хорошо известны коллизии столкновений государственных структур и бизнесов, встроенных в разные конвенциональные структуры.

В определенной мере эта конвенция компенсировала приватизацию правоохранительной системы, конфликтные отношения между ее различными ведомственными и региональными элементами. Возникающий в результате этих конфликтов хаос создавал огромные риски для любых значимых инвестиционных проектов, выходящих за пределы регионов, возглавляемых позитивно ориентированными «тяжеловесами». В этих условиях «путинская конвенция» обеспечила консолидацию административного ресурса и тем самым создала определенные, большие, чем прежде, гарантии сохранения собственности.

Конечно, эта конвенция далека от легальных норм, но все же она в определенный период позволила снизить неопределенность действия институциональной среды и институциональные риски. Представляется, что высокие темпы роста экономики, рост частных инвестиций в 2004–2008 годах в значительной мере обусловлены складыванием рассматриваемых конвенций.

В то же время следует отметить ограниченность регулятивных возможностей обсуждаемой конвенции. Прежде всего унаследованный еще от имперского Рима принцип «друзьям — все, врагам — закон» остро проблематизировал конфликт между нормами конвенции и законом. По мере упорядочения использования административного ресурса, общего снижения институциональных рисков, транзакционные издержки, связанные с этим противоречием, начинают восприниматься тем острее, чем больше забываются конфликты недавнего прошлого. В этом смысле рост общественного внимания к проблемам коррупции, повышение ее значимости в социологических опросах, как представляется, — не симптом роста ее масштабов, но индикатор того, что коррупция все больше воспринимается в качестве издержек, уже неприемлемых для активных групп общества. Эта фокусировка общественного внимания на проблемах коррупции — необходимая предпосылка для ее обуздания.

Период кризиса явно ознаменовался размыванием конвенций. Хотя размер полученной в его ходе финансовой помощи хорошо коррелируется со степенью близости владельцев бизнес-структур к вершинам власти, все же ряд банкротств, слияний и поглощений поставили под сомнение упорядоченность прежней латентной иерархии участников конвенций. Дело не в том, что кризис выявил «детей лейтенанта Шмидта», создававших миф о своем родстве с властью. Важнее, что в ходе кризиса не принимались санкции к явным нарушителям конвенции, действия которых усугубляли и без того резко выросшую институциональную неопределенность. То, что власть не захотела или не смогла быстро загасить конфликт вокруг и внутри «Норильского никеля», по мнению ряда видных экспертов, стало свидетельством размывания конвенции, ослабления санкций, накладываемых ее «арбитром». Но любой видимый признак ослабления конвенции немедленно ведет к эскалации размывания ее норм.

При этом нельзя исключать и то, что «демиурги» конвенции, включая ее «арбитра», рассматривают ее нормы как достаточно ситуативно эластичные и не считают определенные коллизии нарушением норм, требующим вмешательства. Еще более вероятно, что они полагаются на действительно возросшую эффективность арбитражного судопроизводства, позволяющую постепенно выводить внутрикорпоративные споры за пределы конвенционального регулирования.

Незаметно признаков восстановления конвенции в ее прежнем виде в посткризисный период. Налицо новый этап институционального генезиса. Кризис, существенно проблематизировавший институциональные основания, в определенной мере

повысил статус рыночных механизмов, включая легальные механизмы поддержания контрактных обязательств. Те, кто до кризиса ориентировались на них и не слишком полагались на свой административный ресурс, пережили кризис с меньшими потерями. Кризис, как это видно из рейтинга «Эксперт-400», внес значимые изменения в высшую корпоративную иерархию.

В последние годы в состав институциональных норм, которые необходимо учитывать при оценке угроз применения санкций, все больше, как мы видели, стали входить нормы закона, формальные нормы в целом. Особенно это относится к бизнесменам и чиновникам. Смешно утверждать, что законодательство стало ведущим регулятором. Но то, что оно стало значимой рамкой, учитываемой при планировании бизнеса и администрировании, уже трудно отрицать. И это вполне согласуется с изложенными выше представлениями о тенденциях конвенционального генезиса.

Выше уже обсуждались недостатки функционирования институциональной среды, основанной на индивидуальной выработке рациональных моделей социального действия и на формировании институциональных конвенций. Но, как говорится, лучше эти, хоть и непрочные, конвенциональные механизмы, чем тотальная слабость институтов, нестабильность и беспредел 90-х годов.

Еще несколькими годами раньше при обсуждении «путинской конвенции» автор указывал на возможность ее эволюции в сторону усиления роли легальных норм. Эта возможность отчасти реализовалась через разрушение региональных «крыш» — уход большинства региональных «тяжеловесов», а также через фрагментарную национализацию правоохранительной системы.

В последнее время, как показывают исследования, граждане отмечают активизацию прокуратуры в защите прав граждан, прежде всего в соблюдении трудового законодательства. Рост рассмотрения дел в арбитражных судах, снижение, по мнению включенных экспертов, доли «проплаченных» дел — движение в том же направлении. Важным подтверждением этих сдвигов является мнение такого авторитетного включенного наблюдателя, как Г.М. Резник, который неоднократно публично отмечал значимые позитивные сдвиги в данном секторе широко понимаемой правоохранительной системы.

Кое-что сдвинулось и в судах общей юрисдикции. В правовом пространстве были заделаны многие «дыры», позволившие существенно сократить рейдерскую активность. Даже с учетом малых сдвигов в сердцевине правоохранительной системы — в МВД и Следственном комитете — можно отметить пусть скромные, но все же позитивные сдвиги в сторону национализации правоохранительной системы. Одновременно следует отметить, что эти сдвиги практически не фиксируются в СМИ и экспертной среде и в силу этого не становятся фактором, меняющим массовые представления об институциональных изменениях. В свою очередь, слабость конституирующих воздействий на образ институциональной среды не стимулирует изменения в социальных практиках тех относительно массовых групп, которые активно взаимодействуют с этой средой.

Можно говорить о тенденции складывания новой, «медведевской конвенции», ставящей задачу существенного сужения зазора между неформальными практиками и нормами закона. Ее основными отличительными чертами являются интеграции конвенции, проникновение ее норм на региональный уровень. Представляется, что вскрытие и последующий разгром в последнее время ряда «кущевков» стали результатами, с одной стороны, усилившейся веры людей в возможность перемен в далекой (и не слишком далекой) провинции, а с другой — политической воли высшей власти искоренять особо

наглые проявления беспредела, оставшегося еще с 90-х годов. В структуре норм новой конвенции роль правовых установлений существенно больше, чем прежде, хотя в ней сохраняются требования к соблюдению норм групповой лояльности. Безусловно, в эволюции конвенции налицо стремление руководства страны к расширению пространства свободы, сдерживаемое институциональными реалиями и сохраняющимися обязательствами перед социальными силами, обеспечивавшими и продолжающими обеспечивать стабильность политической, экономической и социальных систем.

Литература

1. www.fom.ru.
2. Гурова Т., Полунин Ю. Не ставьте крест на российской экономике // Эксперт. 2011. № 4. С. 42.
3. Социальный и институциональный потенциал модернизации (на примере ЮФО). — М.: ВЦИОМ, 2010.
4. Кирчик О. Экономика конвенций, экономическая гетеродоксия и социальная онтология // Вопросы экономики. 2010. № 7.
5. Беси К., Фавро О. Институты и экономическая теория конвенций // Вопросы экономики. 2010. № 7. С. 22.